

ПОЗДНИЙ БОСПОР: К ДИСКУССИИ О КОНТИНУИТЕТЕ ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Боспор, периферийная зона античной цивилизации, в IV–VI вв. н.э. продолжал существовать как сложно организованное стратифицированное общество, самостоятельный очаг цивилизации на периферии античного мира¹.

Проблема периодизации, а точнее, выделения позднеантичного периода истории Боспора и рассмотрение его как переходного времени, отличного от ранневизантийского, представляет собой достаточно важную проблему. Однако вопрос о критериях и методологических принципах остается еще во многом открытым. Дело в том, что ранневизантийская эпоха в жизни Таврики была прямым и органически слитным продолжением поздней античности. Наметить рубеж, разделяющий две эпохи, еще во времена А.Л. Якобсона было невозможно².

В отечественной литературе последних десятилетий имеется немного общих очерков истории позднеантичного Боспора. В 1985 г. был опубликован единственный специальный труд, подготовленный В.Д. Блаватским еще в 1973 г.³ Отметим небольшой раздел, посвященный общеисторической интерпретации археологического материала в регионе, в книге И.П. Засецкой о гуннах⁴ и наш исторический очерк в монографии «Закат античного Боспора»⁵. Наконец, в неопубликованной пока докторской диссертации А.В. Сазанова IV глава представляет собой новейшее на сегодняшний день отечественное историческое исследование⁶. Содержательная глава имеется в книге В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного⁷. Ряд работ носит более частный характер в русле общей проблематики континуитета⁸.

По нашему мнению, позднеантичный период истории Боспора при всей условности хронологических рамок должен охватывать время от первых варварских вторжений в середине III в. до VI в. (установления прямого подчинения Константинополю). Большая часть VI в. составляет ранневизантийский период на Боспоре (до тюркютского нашествия). Вместе с тем, этот ранневизантийский период близок предыдущему по двум из трех составляющих континуитета (материальная культура и культурно-идеологическая сфера), и лишь политическая система имеет определенные отличия (наряду с элементами преемственности). Поэтому в определенном смысле

¹ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 1996; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1999; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000; Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, 2002.

² Якобсон А.Л. Античные традиции в культуре раннесредневековой Таврики // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978. С. 89; *он же*. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. М., 1963. С. 182.

³ Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 242–260.

⁴ Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. С. 132–161.

⁵ Болгов. Закат античного Боспора... С. 26–63.

⁶ Сазанов. Ук. соч. С. 21–40.

⁷ Зубарь, Хворостяный. Ук. соч. С. 5–43.

⁸ Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1; Фролова Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // Там же. С. 247–262.

позднеантичный и ранневизантийский периоды на Боспоре могут, по нашему мнению, рассматриваться как нечто единое, в большей степени отличное от следующего, уже собственно средневекового периода (кстати, такая хронология соответствует датировке позднеантичного / ранневизантийского периода по мировой периодизации)⁹.

Проблема континуитета, т.е. преемственности и относительно плавной эволюции между поздней античностью и византийским периодом в северопонтийском регионе, имеет, по нашему мнению, ряд составляющих. Прежде всего, это ярко выраженный континуитет материальной культуры¹⁰, континуитет социальной и политической организации¹¹, континуитет в культурно-идеологической области.

Плавная эволюция материальной культуры в регионе в настоящее время уже не вызывает сомнений. Основные ее категории (керамика, стекло, погребальный обряд) представляют собой развитие и видоизменение прежних форм. Варварское влияние играет заметную роль лишь в некоторых сферах (ювелирные изделия, детали одежды). Несмотря на радикальные перемены, связанные с христианизацией, следует признать, что процесс смены идеологии и форм искусства протекал в Северном Причерноморье (как и во всем средиземноморском мире) достаточно постепенно и сопровождался плавными и подспудными изменениями общего культурного облика, неким перетеканием одних состояний в другие. Христианством были восприняты (в переосмысленной и символической форме) многие художественные принципы античности¹². Видимо, христианская церковь как важнейший социальный институт в условиях ослабления и постепенного угасания политической организации, государства сыграла определенную роль в культурном континуитете, особенно на Боспоре¹³.

Таким образом, в современных исторических реконструкциях решающее значение приобретает континуитет политический, доказательство сохранения и преемственности боспорской государственности. Проблемы исследования государственно-политического континуитета на Боспоре в позднеантичный период являются одними из наиболее острых в отечественной науке. Насколько нам известно, непосредственно по этому поводу в печати до сего дня высказались лишь немногие специалисты¹⁴. Между более или менее ясными представлениями о позднеантичной клиентной монархии III–IV вв. и византийской территории VI в. лежит «темное» V столетие; о характере Боспорского государства в этот период до недавнего времени сказать что-либо было почти невозможно. Однако ныне в принципе определились два основных подхода к данной исторической реконструкции. Суммарно и схематично их можно определить как: 1) идея расцвета (или, осторожнее, благополучного существования) государства на Боспоре в V в.; 2) идея постепенного (т.е. все-таки не противоречащего концепции преемственности) угасания государства при сохранении основ прежней материальной и духовной культуры.

Эта проблема в высшей степени важна еще и потому, что состояние государства прямо и непосредственно (наряду с комплексом других причин) повлияло на пути трансформации западно- и восточноримского обществ соответственно в западноевропейское средневековое и византийское. На западе империи после исчезновения политической власти равеннских императоров преемственность сохранялась в основном в области духовной культуры (в меньшей степени – в области материальной культуры, в еще меньшей – в области политической). На Востоке же определяющей и направляющей силой континуитета выступило государство.

⁹ В.Д. Блаватский принимает 275–565 годы за рамки позднеантичного периода (Ук. соч. С. 242). Ср. *Зубарь, Хворостяный*. Ук. соч. С. 5, 42–43 (середина III – вторая четверть VI в.).

¹⁰ Наиболее полное обоснование: *Сазанов*. Ук. соч.

¹¹ В целом для Византии см. *Weiss G. Antike und Byzanz: die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // Historische Zeitschrift*. 1977. Bd 224. S. 520–560.

¹² *Hanfmann G.M.A. The Continuity of Classical Art: Culture, Myth and Faith // A Symposium «Age of Spirituality»*. N.Y., 1980. P. 75–99 и др.

¹³ *Болгов*. Закат античного Боспора... С. 105.

¹⁴ *Виноградов*. Ук. соч.; *Болгов*. Закат античного Боспора... С. 64–120.

В своей концептуальной статье, посвященной данной проблеме, Ю.Г. Виноградов заявил достаточно четкую приверженность теории этатизма и выразил стремление к ее распространению на Боспор. Анализируя эпиграфический материал и введя в оборот в единой системе немногие датированные боспорские надписи V в., исследователь вольно или невольно экстраполировал на далекую периферию позднеантичного мира идею сильной централизованной государственности византийского типа с элементами деспотизма, поэтому в статье имеются выражения типа «...Боспор копировал должности византийского государственного аппарата»¹⁵, «Боспорская держава (курсив наш. – Н.Б.) продолжила свое стабильное существование, цементирувавшееся прочной царской властью и разветвленным государственным аппаратом»¹⁶, «Боспорское царство... не только продолжало существовать как политический организм со своими традиционными и новоприобретенными институтами, но и процветало»¹⁷ (курсив наш. – Н.Б.).

Основные вопросы вызывают «основные концептуальные итоги» этой статьи. С одной стороны, отмечается усиление византийского политического влияния на государственную жизнь Боспора во второй половине V в. (на основе текста надписи царя Дуптуна, убедительно отнесенной автором к 483 г.) вплоть до вассальной (клиентской) зависимости и возрождения ее атрибутов. С другой стороны, в этом же месте¹⁸ говорится о том, что «...на Боспоре не заметно ни малейших признаков интеграции его в Империю, поскольку ни византийский кесарь, ни его легаты (в контрасте с Херсонесом того же времени) не появляются даже в датировочных формулах актов». Итак, здесь постулируются две, на наш взгляд, противоречащие друг другу идеи: 1) континуитет собственно боспорского государства, сильного и прочного за счет собственных ресурсов; 2) континуитет за счет усиления имперского протектората и влияния. Так что же было на самом деле?

Если мы вспомним о широком и разветвленном государственном аппарате Боспора до кризиса III в. с обилием должностей в нем (КБН 36)¹⁹, то, даже учитывая это обстоятельство, все же вряд ли кто-либо всерьез будет говорить об этом государстве как о великой державе. Это – периферийное, зависимое от империи клиентское государство на далекой окраине античного мира. Наследник этого государства – поздний Боспор, оказавшийся в гораздо более сложном внешне- и внутривосточном положении, явно не мог быть сильнее и могущественнее своего предшественника, тем более оказавшись на пути Великого переселения народов.

Исходя из этого, по нашему мнению, проблему состояния государства на позднем Боспоре надо рассматривать в более широком контексте, в связи с проблемой общего кризиса античной цивилизации. В последнее время у отечественных исследователей, по всей видимости, выработалась определенная аллергия на употребление понятий «социально-экономический кризис», «дезурбанизация», «натурализация хозяйства» и т.п. в отношении позднеантичного времени. Этот вопрос слишком глобален, чтобы хотя бы суммарно осветить основные современные оценки. Тем не менее, наличие общего кризиса античного мира (локальной греко-римской цивилизации) в процессе его трансформации в ранневизантийский на Востоке (Запад оставался в стороне) не отрицается никем из специалистов. Достаточно напомнить разработку проблем кризиса III в. в работах отечественных исследователей от Е.М. Штаерман до И.П. Сергеева. Вместе с тем не вызывает сомнений и факт преодоления кризиса, в результате чего, собственно, и образовалась Византия²⁰. Постепенное ук-

¹⁵ Виноградов. Ук. соч. С. 236. Прим. 11 (имеется в виду V век).

¹⁶ Там же. С. 245.

¹⁷ Там же. С. 246.

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ Болгов Н.Н. «Портрет уходящей эпохи» (К интерпретации КБН. 36) // VI Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 17–19.

²⁰ См., например: Сорочан С.Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Харьков, 1998 (д-е изд. – 2000).

репление государства и исчезновение варварской угрозы с севера привели к началу реставрационной политики Юстиниана в отношении внешних территорий. Что же было в это время на Боспоре?

Боспор – как северная периферия и «передний край» античного мира – в эту пору испытал серьезнейшие внешние (и вызванные ими внутренние) потрясения. Крупнейшими из них были: разгром Горгиппии; гибель Танаиса; «готские походы» на империю с территории Боспора (253–276 гг.); династический и политический кризис тех же лет; начало массового движения племен с востока на запад через Северное Причерноморье («гуннское нашествие» 370-х годов на остготов, видимо, практически не задевшее Боспор); возможное соприкосновение Боспора с частью готов, бежавших от гуннского нашествия в Таврику²¹; реальный приход гуннов в Северную Таврику на рубеже IV–V вв.²²; «возвращение утигуров» после 469 г. и установление «гуннского протектората» (Просор. ВГ. VIII. 5); восстание утигуров против филарха Грода и христианизации (ок. 528 г.); разгром утигурами Фанагории и Кеп (Просор. ВГ. VIII. 5, 28–29); разгром крепостей Крымского Приазовья²³; захват Боспора тюркютами в 576 г. Для трех с лишним столетий и для такого небольшого и изолированного от других центров античного мира государства, как Боспор, всего перечисленного более чем достаточно для того, чтобы поставить под сомнение само существование государства даже без катастрофического внешнего нашествия, которое считалось аксиомой в советском антиковедении.

Теперь о внутренних аспектах кризиса. Несмотря на утверждение Ю.Г. Виноградова о том, что «... ни документально, ни археологически не прослеживается и намека на общее запустение греческих центров» хотя бы одного азиатского Боспора²⁴, запустение есть и довольно значительное. Факт резкого сокращения источников, конечно, сам по себе еще не является исчерпывающим доказательством наличия кризиса. Многие камни с позднеантичными надписями в последующие эпохи в первую очередь использовались в строительстве. Тем не менее, и простое механическое сравнение количества и, главным образом, характера надписей I–III и IV–V вв. заставляет ощутить определенное «дыхание» упадка. Это и ошибки резчиков, и огрубление стиля, и усиление лапидарности надписей.

Что касается археологических материалов, то даже с учетом плохой сохранности позднеантичных слоев можно отметить следующие факты: 1) некоторое сокращение территории боспорских городов²⁵ и их некрополей²⁶; 2) прекращение городской жизни в ряде важных центров Боспора либо полностью, либо в значительной мере (Нимфей, Мирмекий); 3) переход к очаговой форме расселения, запустение некоторых локальных микрорайонов; 4) сокращение количества сельских поселений (на азиатском Боспоре для III в. отмечено около 140 поселений, для V в. точно установлено существование пока 35)²⁷.

²¹ Казанский М. Восточные германцы и Северное Причерноморье во второй половине V–VI вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.). Симферополь, 1994. С. 24; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 16.

²² Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 73.

²³ По мнению А.В. Сазанова, эти события произошли одновременно, хотя в литературе обычно постулируется разница в 10–15 лет (Ук. соч. С. 33).

²⁴ Виноградов. Ук. соч. С. 245.

²⁵ Журавлев Д.В. Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 28–32. Для Пантикапея этот вывод сейчас практически пересмотрен, но в исторической перспективе процесс рустификации городов очевиден.

²⁶ Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 1951. 19. С. 63–86. Новые материалы Пантикапея сейчас активно вводятся в оборот, но относительно полных публикаций еще не было.

²⁷ Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 30. Более поздних подсчетов в литературе пока не делалось.

Среди проявлений кризиса в экономической области обычно отмечают (для Боспора это, пожалуй, несомненно): сокращение торговли и обмена (прежде всего внутривоспорского); натурализацию хозяйства и естественное обособление отдельных локальных микрозон – территориально-хозяйственных комплексов²⁸. Археологически устанавливается факт сохранения прежнего уровня материальной культуры далеко не на всех территориях прежнего Боспора. Помимо отдельных городов на европейском Боспоре выделяется лишь одна, ведущая в экономическом отношении микрозона – Крымское Приазовье²⁹. Рустификация поселений всего Боспора IV–VI вв. археологически отмечается достаточно уверенно всеми специалистами. Дополнительно отметим также такие негативные факторы, как сокращение территории государства (потеря дальних периферийных владений – Феодосии, Горгиппии, Танаиса), упрощение государственного аппарата – сокращение числа магистратур по сравнению с III веком.

И все-таки несмотря на перечисленные обстоятельства поздний Боспор как государство существовал, и существовал вопреки указанным факторам. Его общий облик оставался безусловно позднеантичным. Континуитет во всех его проявлениях (не только в политическом отношении) имел место на Боспоре, с одной стороны, как проявление мощнейшей консервативной силы тысячелетней традиции, а с другой – как преодоление вышеупомянутых глобальных кризисных явлений. Поскольку основные провинции Восточной империи испытывали действие всех этих негативных обстоятельств в гораздо меньшей степени, на наш взгляд, было бы неправомерным механически отождествлять византийский и боспорский пути континуитета.

Боспор в эпоху поздней античности остался единственным преимущественно грекоязычным государством античного типа в полосе буферных, периодически возобновлявших свой клиентский статус, государств на северо-восточной и восточной периферии поздней империи³⁰. Периферийное положение Боспора наложило глубокий специфический отпечаток на все его институты, включая и политические. Среди основных уникальных черт боспорского политического опыта надо назвать следующие.

1. Пятивековое (хотя и с перерывами) правление династии Тибериев-Юлиев (при всей сложности династических аспектов).

2. Преимущество в эволюции государственного аппарата наряду с серьезными изменениями (эпиграфика IV–V вв. дает лишь четыре или пять должностей для всего государственного аппарата; из них лишь одна отмечена для периода I–III вв.; этого маловато для полного отождествления двора I–III вв. и двора V в.).

3. Клиентный статус, постоянно ослабевавший и сошедший на нет к концу IV в.

4. Важная роль «сарматской аристократии» (в составе которой могла присутствовать и часть готов); сменяемость и ненаследственность магистратур препятствовали обогащению и стабильному материальному положению «сильных людей»³¹ в это смутное время, поэтому прокормить их могла лишь земля, да еще, пожалуй, участие в гуннских походах.

²⁸ Болгов Н.Н. Территориально-хозяйственные микрозоны на Боспоре (дескриптивный обзор) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 235–241. Более полно: *он же*. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. Белгород, 2002. С. 100–116.

²⁹ Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998; Болгов Н.Н. Крымское Приазовье – локальная микрозона позднего Боспора (конец III–VI вв.) // Археология. 1999. № 1. С. 173–177.

³⁰ Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (I–VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 35–48.

³¹ Биографию одного из таких людей – Савага, сына Аристана, предложил Ю.Г. Виноградов (ук. соч.).

5. Гуннский «протекторат», типологически не аналогичный варварским королевствам на Западе³².

Итак, на местах, «в провинции» позднего Боспора неизбежно должно было происходить ослабление влияния и эффективности действий центральной власти и замещение ее другими – церковными и, быть может, гражданскими органами (местной самообороны и самоуправления). Для основных районов империи этот процесс – общее место. Роль церкви на Боспоре в этот период недостаточно изучена, но уже факт наличия отдельной епархии с IV в. и регулярного участия епископов во Вселенских соборах говорит сам за себя. Заставляет обратить на себя внимание и рост наших знаний о базиликальных храмах на Боспоре, доселе малоизвестных³³. Видимо, археологические исследования последующих лет должны продвинуть наши знания в этом направлении.

Таким образом, государство на Боспоре в позднеантичный период продолжало существовать вопреки обстоятельствам. И скрепами, на которых оно, собственно, держалось, были прежде всего, боспорская «феодалная» аристократия, многовековой уклад жизни, локальные микрзоны – «узлы прочности», царская власть как символ былого единства, а также, как ни странно, гуннский «протекторат» со второй половины V в.³⁴ Боспор все-таки медленно, очень долго, но неуклонно угасал, однако не погиб сразу, одновременно, катастрофически. Вот в чем смысл боспорского пути континуитета. На этом фоне могли иметь место короткие периоды относительного усиления государства, как в конце V в., но причины этого еще нуждаются в тщательном анализе.

Аннексии Боспора со стороны империи в первые века нашей эры (назревавшей неоднократно) всегда мешали, кроме слишком отдаленного географического положения и неподготовленной инфраструктуры, наличие царской власти и в большей степени – политические традиции местной государственности. Лишь когда эта власть (под гуннским «протекторатом», влияние которого, как и «варварского» фактора в целом, Ю.Г. Виноградов не рассматривал в указанной выше статье и ее выводах) стала совершенно номинальной, почти «отмерла», а делами распоряжались гуннские филархи и местная боспорская знать, империя Юстиниана предприняла завоевание этой территории, поставив ее под свое прямое управление.

Таким образом, континуитет боспорской истории в позднеантичное время несомненен. Но то, что мы сегодня реально знаем о состоянии государства на Боспоре в IV–V вв., не позволяет преувеличивать роль политических институтов в этом процессе, считать их решающими. Прямые аналогии с византийским вариантом континуитета здесь не совсем уместны.

Основным аргументом в пользу версии Ю.Г. Виноградова об усилении византийского влияния служит тот факт, что счет лет в надписи Дуптуна дан по индиктам, а также упоминаются должности епарха и комита; вроде бы это выдает мощное византийское присутствие или влияние уже в конце V в. Однако, сам Ю.Г. Виноградов отметил, что резкие изменения в дипломатике боспорских эпитафических документов появляются лишь в VI в.³⁵ Таким образом, надпись Дуптуна здесь не вполне показательна, тем более что ряд других памятников, в том числе и надписи, ведут счет лет по старой боспорской эре вплоть до 497 г. Должность же комита в то время бы-

³² Болгов Н.Н. Поздний Боспор и варварские королевства как политический феномен переходной эпохи (V–VI вв.) // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 232–236.

³³ Он же. О ранневизантийских базиликах Боспора // Историческая наука: проблемы развития. Археология. Луганск, 2002. С. 20–23.

³⁴ Он же. О характере отношений Боспора с гуннами в IV–VI вв. // Боспор и античный мир. Сб. научных трудов в честь проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород, 1997. С. 21–29.

³⁵ Виноградов Ю.Г. Греческие надписи IV–VI вв. как источник по истории строительства в Херсонесе // Доклад на II коллоквиуме советских и греческих историков. Дельфы, 1988. Рукопись.

ла достаточно распространена, а функции ее были слишком сложными и многоплановыми, чтобы однозначно усматривать здесь агента византийской власти.

Факт наличия сильного государства на Боспоре в V в. Ю.Г. Виноградов доказывал также на примере биографии комита Савага, сына Аристона. Получается, что этот человек имел «родовые угодья» в одном из районов Боспора и сделал карьеру крупного государственного служащего. Факт занятия им самых разных должностей подтверждает давний вывод В.Д. Блаватского (для III в.) о временности (срочности) и сменяемости боспорских магистратур. Если это так, то налицо континуитет античных политических традиций. Но дает ли карьера Савага повод считать Боспор V в. сильным государством? На наш взгляд, очень относительно. Все должности, занимавшиеся Савагом, дают картину не столько разветвленного и бюрократического, сколько элементарного государственного аппарата. Сам факт того, что Саваг их занимал один, говорит о достаточно узком слое правящей знати. Иначе, при всех талантах Савага, имена и должности других царедворцев должны были так или иначе проникнуть в эпиграфику.

Кроме того, по нашему мнению, «родина» Савага находится в другом месте, не в Киммериде. Ю.Г. Виноградов упустил тот факт, что Саваг, упомянутый на стеле керченского склепа, по имеющимся источникам, дважды (что почти исключает случайность) связан с районом Китея-Акры тем, что на северной окраине китейского некрополя еще в 20-е годы был найден склеп с надписью на стене – Саваг (Забаг – фонетические особенности?), сын Тасия. Первоначальная датировка – III век. Однако новые исследования А.Л. Ермолина в 2000–2001 гг. показали, что склеп должен датироваться более поздним временем, быть может, V веком. Кроме того, рядом, близ Акры, был найден филактерий-амулет с именем Фаиспарты – это имя жены этого Савага. Таким образом, погребение в керченском склепе вполне может быть связано с тезками этой супружеской четы из Китея. Единственное противоречие для полного отождествления остается в патронимике: Саваг, сын Аристона, и Саваг, сын Тасия, однако имя Саваг может быть родовым.

Итак, континуитет на Боспоре был, безусловно, комплексным. Сохранялись и консервировались прежде всего сам уклад жизни, язык, культура, быт, вещи. Государство же претерпевало определенную эволюцию и, несомненно, не в сторону расцвета, а в сторону «угасания». Диапазон реальных возможностей этого государства постоянно сокращался. Целый ряд сторон жизни общества постепенно выходил из-под его власти (централизованная оборона, единая налоговая система, денежная эмиссия и т.д.). Тенденция к постепенному растворению Боспора в варварском мире была прервана византийским завоеванием, которое задало мощный импульс последующей его истории на протяжении VII–VIII вв. и далее.

LATE BOSPORUS: THE PROBLEM OF CONTINUITY OF POLITICAL AND SOCIAL STRUCTURES

N.N. Bolgov

The article is devoted to the problems of continuity of state and political structures of Bosphorus in late antiquity. In his article published in VDI in 1998, Yu.G. Vinogradov extended the concept of Byzantine «statism» to Bosphorus. There are, though, some objections and corrigenda: Vinogradov does not explain why the Bosporan state becomes stronger in the late 5th c. (according to King Duptun's inscription of AD 483 – CIRB 36) thanks to its inner resources or Byzantine influence. An analysis of the general historical situation makes the author of this article to assume the idea of a special variant of political continuity on Bosphorus, which he calls «peripheral Byzantine» variant. It consists in preserving the main political institutions in general crisis thanks to strong conservative traditions, traditional way of life and the influence of Bosporan barbarized aristocracy.